

Р Е Ц Е Н З И Й

Р.И.Пименов

САД ИДЕЙ или ФОРМЫ, В КОТОРЫЕ ЛЕПИТСЯ ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ.

/Рецензия на книгу/

Крейн Бринтон. ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО МИРА. ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ. Перевод с английского Виктор Франк. Рим, Едициони-Аврора, 1971, 468 стр., мягкая обложка.

На самом деле автор не давал такого названия, оно вставлено переводчиком, и самая книга – лишь часть более обширного труда Бринтона, называвшегося ИДЕИ И ЛЮДИ. И в книге, действительно повествуется, как по-разному думали люди, с ХУ века начиная. По-разному, да, но в их непримиримых друг к другу позициях высвечивается и утверждается ТО ОБЩЕЕ, что ОБЪЕДИНЯЕТ европейского мистика и прагматика, рационалиста и иррационалиста, аристократа и демократа, христианина и марксиста – объединяет на фоне других, не европейских культур. Точнее, автора в первую очередь интересует американская культура, а европейская фигурирует, главным образом, как родина и колыбель американской. Россия также, фактически обходится стороной. В известном смысле это вполне оправдано: ведь европейская культура состоит (как повторяет и автор) из трех компонент – греко-римский античный логический дух, иудейско-христианский религиозный монотеистический и "фаустовский" бунтарский, индивидуалистический ищущий дух. В русской же культуре, мне кажется, третьего компонента нет, первого мало, зато присутствует принесенный через византийское православие дух сирийской культуры первого тысячелетия нашей эры. Но даже и при таком игнорировании России, русскому было бы полезно прочесть эту книгу. Основное содержание ее в пересказе – крайне умелом, точном, со-размерном и контрастном – того, какие идеи прорезывались на поверхность жизни со времен Ренессанса. Вот перечень имен, которые часто встречаются на страницах книги: Августин, Аристотель, Бентам, Бёрк, Буало, Бэкон, Вольтер, Вордсворт, Галилей, Гегель, Гоббс, Гус, Дарвин, Декарт, Джеймс, Джейфферсон, Кальвин, Кант, Карлейль, Кондорсе, Локк, Людовик XIV, Лютер, Макиавелли, Маркс, де Местр, Машини, Милль, Монтень, Монтескье, Ньюман, Ньютон, Оуэн, Павлов, Парето, Пейн, Платон, Поп, Рабле, Рескин, Руссо, Сорокин, Спенсер, Сталин, Тайнби, Фома Аквинский, Фрейд, Челлини, Шекспир, Энгельс, Эразм. Но порой даже одноразовое упоминание того-иного автора бывает

весьма содержательным. Я с большим интересом обнаруживал новые, неведомые мне прежде оттенки мысли в пересказе идей вроде бы давно известного мыслителя. Одна из главных особенностей автора - он неустанно напоминает, что ни одно течение в общественной мысли - будь то в ХУ или ХХ веке - не выступает В ЧИСТОМ, ЛОГИЧЕСКИ БЕЗУПРЕЧНОМ ЕДИНОМ ВИДЕ. Нет, оно появляется расплывчато, размыто, имеет и крайние "правые и левые" формы и "золотую середину"; сплошь, да рядом может быть правильное понятие не по заявлениям его сторонников, а потому, ЧТО как само собой разумеющееся принимают противники этих взглядов.

Огромное - и на мой взгляд совершенно правильное значение придает автор тому, что он неудачно называет "антиинтеллигентализмом".

"Во многих своих конкретных проявлениях эта тенденция - нечто весьма древнее. Ее следы можно найти уже в "Политике" Аристотеля /.../. Может быть то, что мы называем "антиинтеллигентализмом", покажется будущему историку просто одним из составных элементов культуры ХХ века, духа ее времени, мировоззрения гораздо более важного, чем строго научное знание. /.../ В настоящее время лучшего слова у нас нет, ибо любая попытка сказать, используя какой-либо иной термин, что эта тенденция положительно оценивает, скажем, чувство, как нечто высшее, чем разум; сердце как нечто высшее, чем сознание; вожделения, побуждения, импульсы как нечто высшее, чем интеллект, исказило бы природу этой тенденции. Антиинтеллигенталист не считает аппарат мышления чем-то ДУРНЫМ, а в применении к большинству людей чем-то СЛАБЫМ. /.../ Я пользуюсь термином "антиинтеллигентализм" для описания попытки подойти рационально к справедливой оценке подлинной роли рациональности и иррациональности в человеческих действиях. /.../ В каком-то смысле антиинтеллигенталист - ПРЯМОЙ НАСЛЕДНИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ. Где-то в глубине он верит в мощь мысли для облегчения человеческой судьбы на земле. /.../ Но "философ" думал, что мешает личности понять истину только хрупкая скорлупа

прогнивших институтов, католической церкви и французской монархии, в то время как Фрейд думал, что между личностью и восприятием истины стоит не только мощный комплекс институтов, но и не менее мощный комплекс "естественных" человеческих побуждений и приобретенных в раннем детстве навыков. /.../ Поэтому антиинтеллектуалист вторит Бэкону, восхвалявшему Макиавелли за его антиинтеллектуализм: "Мы многим обязаны Макиавелли и другим, которые писали о том, ЧТО люди делают, а не о том, ЧТО им полагается делать". /.../ Как правило, антиинтеллектуалисты в общем принимают идеи порядка, счастья, личной свободы и тому подобное, ассоциируемые нами с эпохой Просвещения, но считают, что эти идеи осуществимы на земле только частично и очень медленно" (стр.377-391).

Пожалуй, в рассуждениях об антиинтеллектуализме, о природном несовершенстве человеческой натуры, о том, насколько слаб, непоследователен и страшен "естественный" человек, – автору нехватает Достоевского, но, повторю, он изъясняется на примерах более близких западному читателю и прибегает тут к упоминанию Хаксли или Шоу или вовсе неизвестного нам Грэма Уоллеса.

Вот содержание книги: Гл.1. Истоки современного мира – Гуманизм. Гл.2. Истоки современного мира – Протестантизм. Гл.3. Истоки современного мира – Рационализм. Гл.4. XIX век – Новое мировоззрение. Гл.5. XIX век – Расцвет нового мировоззрения. Гл.6. XIX век – Нападки справа и слева. Гл.7. XX век – Нападки на разум. Гл.8. Некоторые незавершенные дела. Список иностранных слов и выражений. Список малоизвестных терминов. Указатель имен. Вот ключевые исторические положения:

"Демократическая традиция переняла, по меньшей мере, один элемент гуманистического мироощущения – понятие карьеры, открытой для таланта, для новаторской смелости, для индивидуального дарования. Как правило, однако, демократы нового времени придерживались совсем иного мнения, чем люди Возрождения, о том, какие именно таланты достойны поощрения /.../. XIX век и век

ХУІ, люди Просвещения и люди Возрождения отвечали на этот вопрос совсем по-разному." (стр.10).

"Подобно протестантизму, то комплексное движение в искусстве и философии, которое мы называем гуманизмом, было сознательным бунтом – бунтом против уклада, который был для гуманистов чем-то насквозь прогнившим, противоречивым, отжившим, уродливым и изолгавшимся /.../. Но ведь Ренессанс вовсе не был движением анархическим. Он восставал против одного определенного авторитета, против одного комплекса идей, навыков, институтов – но восставал во имя другого и, по сути дела, родственного комплекса /.../. Гуманисты вовсе не были вольнолюбивыми демократами в нашем смысле. Они были привилегированной кастой ученых, гордящейся высоким уровнем своей учености и обладающей всеми обычными пороками ученых – тщеславием, болезненным самолюбием, полемическим задором, паническим страхом перед возможностью заблуждения. Обладали они также традиционной добродетелью ученых – постоянной тягой к напряженному умственному труду. Но что касается критического чутья, способности ставить вопросы и отвечать на них, то этих качеств гуманистам не хватало так же, как и схоластикам." (стр.22-25).

"Гуманисты – не архитекторы современного мира, они не творцы современного мировоззрения. В той мере, в какой эти два столетия сделали нас тем, чем мы есть, самыми важными строителями были протестанты, рационалисты и естествоиспытатели" (стр.62).

"По своей природе и по своей направленности протестантизм был последним великим, истинно христианским усилием оправдать перед человеком на деле пути Господни". (стр.80).

"Протестантизм оказывается истинным наследником тяги к неземному совершенству на земле, той тяги, которая в средние века принимала формы мистических взлетов, крестовых походов, а также монашеских реформ и постоянно возникавших ересей. Или, вернее, он **БЫЛ** единственным

ее наследником, пока Просвещение не принесло с собой нового, более земного обетования.

Вот первое отрицательное обобщение: главные протестантские группировки переняли древний христианский догмат первородного греха. /.../ Второй отрицательный вывод совершенно очевиден. В те века протестантизм не был движением рационалистическим. /.../ В-третьих, ранний протестантизм был нетерпимым" (стр. 85-87).

"На данной стадии лучше определить рационализм в самой общей форме как сгусток идей, которые сводятся к убеждению, что мир функционирует так, как функционирует разум человека, мыслящего логически и объективно; что поэтому человек, в конечном итоге, может понять все то, с чем он встречается на опыте, как он понимает, скажем, простую арифметическую или механическую задачу. /.../ Это – несколько поверхностное – определение рационализма уясняет, как далеко отходит убежденный рационалист от христианской веры, даже от таких ее форм, как схоластика с ее упором на способность человеческого разума понять, по крайней мере частично, Божий замысел мироздания. /.../ В его системе нет места для личного Бога, в его сознании – для мистической самоотдачи вере." (стр.121-122).

"Кеплер был занят поисками космогонии, подборами истин о подлинной природе вселенной, так же, как искали ее Платон и Фома Аквинат, но так как его подход был подходом естествоиспытателя, то, обнаружив ошибку в своих расчетах, он отказался от своей системы и начал все сначала. Философа фактические данные обычно так не смущают." (стр.138).

"Хотя кампания за религиозную терпимость только-только начиналась в начале XVII века, ее основные направления к этому времени уже определились. В деталях они отличались друг от друга; но их можно свести к трем положениям, во-первых, что существует новая истина традиционного христианства, которая, если она будет терпима,

в конце концов, заменит собой или коренным образом преобразует христианство; во-вторых, истина не открывается людям в совершенном, неущербленном виде, но должна постигаться человеческими усилиями в ходе постепенно-го процесса проб и ошибок; и, в-третьих, — это послед-нее положение было в те РАННИЕ ГОДЫ ЕЩЕ МАЛО РАСПРО-СТРАНЕННЫМ — истина — понятие "относительное", и ни откровение, ни размышление, ни наука не могут привести ни к чему абсолютному." (стр. I65).

"Мировоззрение Просвещения — это убеждение, что ВСЕ ЛЮ-ДИ МОГУТ ДОСТИЧЬ В ЭТОМ МИРЕ ТОГО СОВЕРШЕНСТВА, КОТОРОЕ ДО ТЕХ ПОР СЧИТАЛОСЬ НА ЗАПАДЕ ДОСТИЖИМЫМ ТОЛЬКО ДЛЯ ХРИСТИАН В СОСТОЯНИИ БЛАГОДАТИ, ДА И ТО ТОЛЬКО ПОСЛЕ СМЕРТИ. Сен-Жюст, пламенный французский революционер, сформулировал эту мысль в Конвенте с обманчивой простотой: "Счастье — для Европы идея новая" (стр. I74).

Вот из резюме, содержащегося в последней главе:

"Первое обобщение, которое мы можем сделать о ненакопля-емом западном мышлении в целом, состоит в следующем: начиная с греков и средневековых христиан и кончая просве-тителями прошлого и настоящего, оно проявляет убеждение, что человеческая уверенность в наличии ценностей пред-ставляет собой смутное сознание организованности мира. Эта организованность, не ясная для неразмыслиющих людей, недоказуема научными методами, никогда полностью не по-стигаема даже лучшими и мудрейшими людьми. Но тем не менее это — ОРГАНИЗОВАННОСТЬ, а не хаос. В ходе столе-тий самым явным показателем этого сознания служил тер-мин ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО, термин, толковавшийся по-разно-му стоиком, схоластиком или "философом" XУШ века, но тем не менее означавший для всех трех веру в суть чая-мого порядка вещей. Или, выражаясь по-иному, само поня-тие ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА означало для людей, придержи-вавшихся его, убеждение, что разрыв между реальным и идеальным, между тем, чем мы обладаем, и тем, к чему мы стремимся, собственно — не пропасть, не разрыв, а

СВЯЗЬ. Эта вера находит свое выражение в Послании апостола Павла к Евреям: "Ибо не имеем здесь постоянного града, но взыскуем грядущего".

Во-вторых, вся духовная история Запада отмечена признанием того "человеческого достоинства", что с людьми нельзя обращаться как с животными. /.../ Основополагающий демократический лозунг – прямое отражение, прямой преемник христианского понятия равенства душ перед Богом. /.../ Животные в представлении Запада душ не имеют. Пантеизм и уж тем более вера в переселение душ не являются характерными западными учениями. И индус, который считает нас неотесанными варварами, считает, что мы относимся бессердечно к нашим братьям-животным. /.../.

В-третьих, отметим разительную преемственность западных идей, касающихся счастливой жизни в этом мире. В центре этого спектра находится образ жизни, служивший идеалом аристократической культуры Греции – идеалом, состоящим в отказе от всего чрезмерного, идеалом золотой середины. Это утверждение неприемлемо для людей, считающих, что центр спектра следует искать в христианском идеале, – аскетическом, устремленном к иному миру – в идеале, почти осуществленном в XIII веке. Неприемлемо оно и для тех, кто усматривает сердцевину западной культуры в каком-то одержимом порыве к высотам, к любым высотам. Но поскольку мы имеем право сказать, в качестве четвертого обобщения, что западная культура всегда проявляла разительное многообразие взглядов и моральных и эстетических устроев; поскольку даже в самые свои устойчивые периоды, западная культура редко когда приближалась к спартанскому идеалу единообразия и дисциплины – очевидно, что и аскетический, и одержимый (фаустовский?) образы жизни тоже налицо в нашей традиции. Тем не менее, как своего рода периодическое разрешение сложного напряжения между западным стремлением к идеальному, к недостижимому совершенству, с одной стороны, и западным же наслаждением миром и интересом к существующему миру, с другой, золотая середина греков всегда оставалась в силе. /.../ В какой степени этот аристократический идеал может стать достоянием масс, являет-

ся одним из самых острых вопросов современности. Основное убеждение философов XVIII века, которые формировали идеал демократии, состояло в том, что средний человек может вести такую праведную жизнь, поскольку материальный базис, которого не было у греческих масс, стал теперь потенциально достижимым для всех. /.../ Я не могу дать ответа на интригующий вопрос, почему именно наше западное общество было до сих пор наиболее "успешным" во всей истории человечества.

Далее перечисляется с десяток объяснений, включая марксистское, и продолжается:

Все эти объяснения, однако, которые мы по праву отвергаем, если они претендуют на монополию, вероятно, представляют собой составные элементы того крайне неустойчивого соединения, которое мы называем западной культурой. Уберите одно из слагаемых, и тем самым уничтожится западная культура, которую мы знаем. Уберите уголь, гидроэнергию, банки и капитал, и уничтожится промышленная революция в той форме, в которой мы ее знаем. Изымите апостола Павла, блаженного Августина, Кальвина и Маркса, и вы уничтожите западное мировоззрение". /стр.421-426/.

Главная проблема, которая по мысли автора, постоянно, хотя и в разных обличиях, стоит перед западным человечеством, это

"Разрыв между тем, ЧТО должно быть, и тем, ЧТО есть, сознается, вероятно, всеми людьми, во всяком случае, всеми цивилизованными людьми." (стр.427).

Этот разрыв обсуждается автором и на примере гуманизма XV века, и на примере Реформации, и на примере Просвещения. Применительно к нашему веку:

"Умеренный реалист требует, чтобы демократия признала какую-то долю пессимизма традиционного христианства, воплощенного в учении о первородном грехе; какую-то долю трагического сознания человеческой неполноты, вдохновлявшего великие произведения литературы; какую-то

долю тех сомнений насчет способности человека правильно мыслить которые вытекают из современной психологии; и основанное на здравом смысле сознание недосягаемости совершенства, которое присуще большинству из нас в трех областях, где на нас лежит какая-то ответственность." (стр.430).

Еще одна важная мысль из завершающей главы:

"Хотя в течение последних трех столетий выжили многие христианские группировки, которые придерживались и духа, и буквы христианской веры, выросли также некоторого рода суррогаты христианской веры, утраченной многими людьми или превращенными ими в псевдохристианский оптимистический рационализм. Эти суррогаты – демократия, национализм, социализм, коммунизм, тоталитаризм и многочисленные их ответвления и ереси" (стр.430).

Для читателя, заинтересованного в философском осмыслении русской истории XIX~~XX~~ века, особое значение приобретут страницы книги Бринтона, на которых он рассуждает об интеллигенции. Целый ряд авторов, пишущих на темы российской интеллигенции, полагает в духе провинциальной мании величия, будто бы российская интеллигенция – это нечто небывалое в мире. Одни преклоняются перед российской интеллигенцией, другие бранят и прогнивают ее, но почти единодушно русские авторы убеждены, будто бы интеллигенция родилась в России, в XIX веке. Будто и не существовало до того подобного явления в мире, и само слово "интеллигенция", изобретенное Боборыкиным, не имеет соответствия в западных языках и употребляется там в заимствованной с русского языка форме. Автор же (стр.291) ведет историю интеллигенции с Древней Греции; отмечает, что,

"то новое, что принесла с собой современная эпоха, заключалось в следующем: в ходе XIX века интеллигенция, особенно писатели, попала в частичную зависимость от широкой публики. /.../ Было бы закономерно ожидать, что эта зависимость от массовой клиентуры привела большинство преуспевающих писателей к заигрыванию с массовым читателем, к приятию человеческих взаимоотношений, как

они есть, короче говоря, к конформизму. /.../ Но почти все те, которых мы ныне изучаем, как наших предшественников, почти все великие писатели и множество ныне забытых литераторов, наоборот, ОБЛИЧАЛИ существовавшие порядки. Да и в наше время автор газетных передовиц должен, как и ~~проповедник~~ проповедник, неизбежно быть ПРОТИВ чего-то. /.../ бичевали и бичуют род человеческий за его пороки /.../ даже романисты вели свои крестовые походы. /.../ Мы можем сказать, что в качестве социальной прослойки, за исключением, может быть, самых ранних, самых восторженных дней христианства, интеллигенция всегда сознавала свою обособленность от основной массы людской, обладала своим "классовым сознанием". Во все времена, даже в темные века, когда новый правящий класс был безграмотен, некоторые представители "интеллектуальных классов" находились на самом верху социальной лестницы. Другие – как например приходской священник в средние века или школьный учитель, почти на протяжении всей истории – по реальному доходу занимали почти самое низшее положение в обществе. /.../ С начала эпохи Просвещения ТВОРЧЕСКАЯ ЧАСТЬ интеллигенции была в общем неудовлетворена окружавшим ее миром, пыталась перекроить его, была уверена, что его можно перекроить /.../ В XIX веке творческая интеллигенция все еще находилась в состоянии бунта, но уже не представляла собой единого целого. /.../ Уже в XIX веке творческая интеллигенция шла к тому состоянию, которого она достигла в Америке наших дней, где жаловаться для интеллигенции столь же естественно, что и дышать. Откройте любой серьезный журнал, и вы неизбежно найдете рассуждения о том, как скверно, мол, abstoит дело с нашими университетами, о кризисе семьи, об эрозии почвы, о роковом этапе в международных отношениях, о предстоящем конце нашей культуры" (стр.294–298).

Перевод выполнен не наилучшим образом. Возможно, сказалось различие между советским русским и эмигрантским русским языками. При издании книги в СССР целесообразно осуществить перевод заново, да и перевести не половину книги, а всю целиком.

.....